

А Цзю взмахнул рукой, разжал пальцы и помахал ими перед самым лицом Тан Шаотана, торопя: «Хватит глазеть, человек уже остыл. Пошли обратно».

Смерть хоть и наступила внезапно, но была заслуженной. А Цзю не видел в этом ничего, о чём стоило бы жалеть.

Убийца был убит — вопрос лишь времени. Никто не уйдёт от расплаты.

Тан Шаотан всё ещё хмурился. «Ты всё ещё собираешься вернуться в гостиницу?» — спросил он.

Зная, что Павильон Ушоу уже следит за гостиницей, зачем возвращаться?

А Цзю ответил с невозмутимой уверенностью: «Я заплатил деньги».

Тан Шаотан: «...»

Ему этот аргумент показался неубедительным, поэтому он не отводил взгляда, продолжая молча смотреть на А Цзю.

А Цзю: «...»

Почему-то, когда Тан Шаотан смотрел на него своими светлыми, почти прозрачными глазами, А Цзю всегда охватывало странное чувство.

Чистый взгляд, как у стекла, но словно подёрнутый лёгкой дымкой — будто между сном и явью.

А Цзю отвернулся, отмахнувшись: «Ладно, ладно. А ты скажи, куда ещё можно пойти ночью? Смена гостиницы что, гарантирует, что на нас не нападут?»

Тан Шаотан настаивал: «Ты можешь пойти домой».

А Цзю почесал щёку: «А? В какой...»

Ах, вот оно что.

У его нынешней личности, «А Цзю», был дом у просёлочной дороги. Тот самый, где он выхаживал раненого Тан Шаотана.

Но... была одна проблема, которую требовалось решить. Впрочем, для главы павильона Жуань это не составляло труда.

А Цзю: «Ладно, пошли».

Он кивнул подбородком, веля Тан Шаотану идти впереди.

Тан Шаотан: «?»

А Цзю: «Иди же».

Тан Шаотан вдруг проник в суть: «Ты не знаешь дорогу?»

А Цзю без тени смущения солгал: «Конечно, знаю».

Тан Шаотан: «?»»

Он недоверчиво сделал несколько шагов, и А Цзю последовал за ним.

А Цзю: «Что?»»

Тан Шаотан развернулся и пошёл в другую сторону: «Не туда. Сюда».

А Цзю широко раскрыл глаза, всем видом показывая: «Ты что, меня разыгрываешь???»»

Тан Шаотан слегка тронул уголки губ, мягко улыбнулся, опустив глаза, и, не глядя по сторонам, уверенно направился к дому А Цзю.

Некоторое время они шли молча через лес. Вдруг Тан Шаотан замедлил шаг и, наклонив голову, спросил: «Это твой дом?»»

Ты что, и правда не знаешь дорогу домой?

А Цзю подумал, что Тан Шаотан в нём сомневается, и тут же, приняв серьёзный вид, съехидничал в ответ: «Да. А разве твой?»»

Тан Шаотан покачал головой: «... Я не это имел в виду».

Он был поставлен в тупик, но, не зная, как объясниться, предпочёл просто замолчать.

...

Маленькая хижина А Цзю стояла у самой дороги, одинокая под лунным светом, без единого соседа.

В доме не было ничего ценного, и дверь не была заперта. А Цзю вошёл, направился напрямик к лежанке, повалился на неё и, повернувшись лицом к стене, бросил: «Делай что хочешь» — и тут же притворился спящим.

Тан Шаотан, оставшийся на пороге, замер в нерешительности, раздумывая, стоит ли входить.

За его спиной холодный ветер, несущий сырость, ворвался в дом, бесцеремонно пронёсся по комнате, и А Цзю на лежанке чихнул. Только тогда Тан Шаотан переступил порог и закрыл за собой деревянную дверь.

В маленькой квадратной хижине, кроме лежанки и одного стула, не было других мест, где можно было бы присесть. Он осторожно придвинул стул и сел.

В доме воцарилась тишина, никто больше не проронил ни слова.

Оглядевшись, Тан Шаотан зажёл масляную лампу на столе, раздобыл бумагу и кисть и принялся быстро что-то чертить.

Он рисовал карту.

Карту от городка Фэньюань до дома А Цзю.

Тан Шаотан считал, что человек может не знать, куда он отправится в будущем, но дорогу домой помнить обязан.

...

На следующий день, когда А Цзю открыл глаза и поднялся, он увидел на столе эту самую карту, испещрённую пометками.

Тот, кто её нарисовал, встал раньше петуха и уже два часа тренировался с мечом снаружи.

А Цзю фыркнул, какое-то время разглядывал карту, погрузившись в мысли.

Наконец он вспомнил, что он, в конце концов, глава Павильона Ушоу. И после того, как он разберётся с Павильоном Радужных Одежд и наведёт порядок в своих рядах, возвращаться в эту развалюху жить он уж точно не станет. И карта ему ни к чему. Он выпрямился, оглядел комнату в поисках неприметного уголка, чтобы скомкать и выбросить бумажонку, но подходящего места так и не нашёл.

«Ладно, — подумал А Цзю. — Листок бумаги много места не займёт, пусть пока полежит».

...

Хотя А Цзю проснулся только к полудню, он всё равно выглядел вялым и сонным. Он медленно открыл окно, лениво облокотился о косяк, подперев голову одной рукой, а другой прикрыв глаза от солнца, и уставился на двор, залитый ярким светом.

Тан Шаотан, услышав шум, повернулся и направился к нему. Поскольку он шёл против света, А Цзю увидел его словно возникающим из сияния — ослепительно яркого, режущего глаза.

А Цзю прищурился, словно сонный кот, и стал придирается: «Слишком уж ты ярк».

И свет, и ты — оба слепите.

Тан Шаотан не понял: «?»

А Цзю подловил его на одежде: «И зачем носить белые одежды, они же плохо отстирываются. Чёрные и практичнее, и носятся дольше, разве нет?»

Тан Шаотан, ни с того ни с сего получив замечание о своём наряде, невинно опустил взгляд на свою одежду и с недоумением сказал: «Это твоя».

А Цзю: «...?»

Тан Шаотан указал на дверь. А Цзю потер глаза и наконец вспомнил.

Он вспомнил, что в тот день, когда Тан Шаотан убежал из этого дома, он схватил верхнюю одежду как раз у двери. Значит, это и вправду была его, А Цзю, одежда.

Глава павильона Жуань, не до конца проснувшись, понёс чепуху и сам же попался на своей уловке, отчего почувствовал себя неловко. Поэтому он ещё грубее захлопнул окно, вышел через дверь и, делая вид, что так и надо, кивнул Тан Шаотану: «Чего замер? Пора отправляться. Если не поторопимся в лавку гробовщика, совсем стемнеет».

Тан Шаотан, окутанный солнечным светом, поднял голову к небу. Солнце стояло в зените, и до «совсем стемнеет» было ещё очень далеко.

Увидев, что Тан Шаотан засмотрелся на небо, А Цзю, уже ушедший далеко вперёд, обернулся и

крикнул: «Ну, пошли уже?»

Тан Шаотан кивнул и последовал за ним.

...

К удивлению Тан Шаотана, А Цзю повёл его не напрямиком в лавку гробовщика, а сначала зашёл в ту самую аптеку, где они раньше покупали лекарства.

А Цзю развязно подошёл к прилавку, подозвал служащего, ткнул пальцем в сторону раненой ноги Тан Шаотана, шлёпнул на стол слиток серебра и сказал: «Ему — сменить повязку».

Служащий остолбенел. Вчера этот скряга торговался из-за каждой копейки, покупая жалкие дешёвые травы, а сегодня проснулся и будто подменили — выкладывает серебро без разговоров.

Он, вознося хвалы небесам, принял серебро, принёс самые лучшие травы и лично вручил их Тан Шаотану, после чего с сияющей улыбкой проводил его в заднюю комнату для перевязки.

А Цзю же остался у прилавка, подперев щёку рукой. Для него это было редкостью — он не выражал ни раздражения, ни нетерпения, а лишь спокойно наблюдал за людьми, сновавшими туда-сюда перед лавкой.

Тан Шаотан замедлил шаг, обернулся и сказал: «Со мной всё в порядке. Не стоит из-за этого тратить время».

А Цзю рассердился и, сам того не замечая, стал противоречить своим же недавним словам: «Мы же не на тот свет спешим. Если бы они хотели сбежать, то сделали бы это ещё вчера».

Старейшина Цяо хотел его смерти — причину он мог угадать. Но он не считал, что старейшина Цяо был тем, кто тайно принимал заказы на убийства за его спиной.

Слишком глупо, слишком торопливо, слишком много уловок — это не стиль старейшины Цяо.

Он полагал, что те, кто принимал заказы на убийства от имени Павильона Ушоу в городке Фэньюань, и те, кто напал на него, были двумя разными группами, и они, возможно, даже не знали друг о друге.

Первые делали это ради денег и выгоды. Вторые же хотели всего лишь жизни Жуань Линцзю.

А Цзю, совершенно позабыв о своих же недавних словах «поторопимся» и «совсем стемнеет», бросил Тан Шаотану недовольный взгляд, а затем глянул на служащего, давая понять, чтобы тот поторопился с перевязкой.

Служащий не смел торопить, лишь улыбался и жестами приглашал Тан Шаотана в заднюю комнату. Тот же, привыкнув к переменчивому нраву А Цзю, не стал спорить и послушно последовал за служащим.

После перевязки они наконец направились в лавку гробовщика.

В городке Фэньюань народ был небогатый, и лавка гробовщика во всём посёлке была всего одна. Когда А Цзю и Тан Шаотан пришли, хозяин как раз сидел у входа на маленьком стульчике, наслаждаясь ветерком и щёлкал семечки. Усевшись, он закинул ногу на ногу и принялся щёлкать, разбрасывая шелуху прямо под ноги.

<http://bllate.org/book/16258/1462506>